

ВВЕДЕНИЕ В ЭРОТОЛОГИЮ

М.Н. ЭПШТЕЙН

Эротология и сексология

В отличие от сексологии, которая утвердилась как наука в конце XIX – начале XX века (в трудах Рихарда фон Крафта-Эбинга, Хэблока Эллиса, Зигмунда Фрейда и др.), у эротологии еще нет самостоятельного научного статуса. Термин этот употребляется редко и нерегулярно. Чаще всего эротологией называют старинные пособия по технике сексуальных отношений. Индийская эротология – «Камасутра», персидская – «Ветка персика», античная – «Ars Amatoria» Овидия... Иными словами, эротология – это «наука страсти нежной, которую воспел Назон» и которой увлекался пушкинский Онегин, пока не пресытился ею. В таком понимании эротология – это не наука о половых взаимоотношениях, а искусство таких отношений в форме дидактических описаний и практических инструкций.

Эротология – это как бы древний, «донаучный» этап развития сексологии, когда она развивалась в формах: а) интуитивно-описательных, б) наивно-назидательных и в) художественно-повествовательных.

Вряд ли такое соотношение «эротологии» и «сексологии», как своего рода алхимии и химии, может удовлетворить критериям целесообразности. Ведь никто, кроме историков науки, уже не занимается алхимией – так зачем заниматься древней эротологией, если есть сексология, оснащенная медицинскими приборами и новейшими научными методами? Так и говорится, например, в энциклопедическом справочнике «Сексология»:

«Древняя эротология, т.е. теория и практика любви, не ставила своей целью исследовать сексуальность. Только с развитием целого комплекса биологических и социальных наук, после преодоления сопротивления Церкви и сексологического ханжества, возникли предпосылки к объективному изучению сексуальности... Последние исследования в генетике, эндокринологии, нейрофизиологии, эмбриологии, эволюционной биологии, гинекологии и других дисциплинах позволили значительно обогатить и расширить познания в области дифференциации и взаимоотношения полов, проявления человеческой сексуальности»¹.

В новейшем американском «Полном словаре сексологии» термину «эротология» вообще не находится места. Зато сексология трактуется как междисциплинарная наука о сексе, включающая медицинские, физиологические, исторические, юридические, религиозные, литературные аспекты². Получается, что сексология как бы поглощает и

отменяет эротологию как свое наивное, полумифическое предварение. Действительно, древняя эротология не «исследовала сексуальность» нейрофизиологическими, генетическими, эволюционными и прочими методами, которыми вооружена современная сексология. Но это именно разница *методов*, а не *стадий* развития. Сексология, какой она выступила в начале XX века и установилась к его концу, — это *естественнонаучная дисциплина*, близкая к медицине и лежащая на биологическом основании. Не случайно, как отмечается в том же справочнике, «первыми начали систематическое изучение половой жизни врачи, причем начали не с нормальных, а патологических форм».

По замечанию Мишеля Фуко, «наше общество, порвав с традициями *ars erotica*, снабдило себя некой *scientia sexualis*... Сексуальность определила себя как то, что “по природе” своей является областью, проницаемой для патологических процессов и, следовательно, требующей вмешательства — терапевтического или нормализующего характера...»³.

Сексология с самого начала руководствовалась *медицинскими* интересами и была направлена на изучение и исцеление болезней и нарушений в развитии сексуальности. В этом она сродни другим разделам медицинской науки (эндокринологии, гинекологии, кардиологии и др.). Эротология, напротив, обращалась к норме, к удовольствию и желанию, к творческим, радостным проявлениям эроса. Норма могла трактоваться как угодно широко, включая и то, что позднее, в Средние века, стало считаться отклонением, извращением, дьявольской похотью. Но важно, что мифопоэтически вдохновляемая эротология, в отличие от медицински ориентированной сексологии, исходит из презумпции здоровья, а не болезни в изучаемых явлениях половой жизни.

Еще одна существенная разница. Как часть широкого комплекса биологических дисциплин, сексология изучает и половую активность животных. Между тем эротология — это *гуманитарная* дисциплина, которая изучает не сексуальные отношения, а *любовь и ревность, желание и наслаждение, соблазн и запрет, страсть и игру* как формы человеческого бытия и межличностных отношений.

Разница между сексологией и эротологией — это разница не стадий, а *типов науки*, разница *естествознания и человековедения*. Сексология изучает биологическую, физиологическую и психофизиологическую природу сексуального инстинкта, тогда как эротология — духовно-телесную природу, психокультурную проблематику и условно-знаковые формы любовных отношений. Сексология вписывается в ряд *биологических дисциплин*, а эротология соседствует и сотрудничает с философией, этикой, эстетикой, психологией, лингвистикой, семиотикой, теорией искусства и другими гуманитарными дисциплинами.

Древние трактаты по «искусству любви», как правило, содержат в себе зачаточные элементы и *сексологии*, и *эротологии*, которые потом постепенно дифференцируются на протяжении веков. В этих трактатах есть физиологические наблюдения и практические наставления, близкие к медицине, — и одновременно поэтическое и философское постижение человеческой природы, феноменология влечения и наслаждения.

В силу опережающего развития естественных наук в XIX — XX веках сексология раньше, чем эротология, сумела выделиться и утвердиться как самостоятельная дисциплина. Но, как заметил Клод Леви-Строс, XXI век будет веком гуманитарных наук — или его не будет вовсе. Эротология — одна из тех гуманитарных дисциплин, которые уже имеют богатейшую традицию, от «Пира» Платона до «Смысла любви» Владимира Соловьева, «Эротизма» Жоржа Батая, «Фрагментов речи влюбленного» Ролана Барта, но которым еще предстоит защитить свое право на особую методологию.

Секс и эрос. Хотеть и желать

Общепринятого разграничения терминов «сексуальное» и «эротическое» не существует, хотя первый чаще указывает на природные аспекты репродуктивного поведения организмов, а второй — на условно-культурные, искусственные, игровые формы половых взаимоотношений, цель которых — не размножение, а удовольствие, психическая разрядка, творческое возбуждение и т.д.⁴

По известному замечанию Жака Лакана, невозможно раздеть женщину. Раздеть — в смысле достичь «начальной» и «чистой» наготы. Раздетость — это минус одетость, определенное отношение к одежде, которая в данном случае соблазняет своим отсутствием. Все те покровы, которые цивилизация набрасывает на тело, эротика приоткрывает заново, как область запретную и потому вдвойне желанную. Соблазнительность — это и есть двойная желанность, в которой «сексуальное» желание дополняется «эротическим». Без запрета нет соблазна. Если сексуальность — область первичных хотений, «половой жажды и голода», которые требуют скорейшего утоления, то эротика — область соблазнов, которые возникают из запретных механизмов цивилизации и проигрывают весь ее героический и трагический пафос в обратном порядке, как процесс медлительного, колеблющегося, «поступательно-возвратного» разоблачения ее покровов.

Таким образом, имеет смысл различать сексуальность и эротику, как половую энергию *на входе* и *на выходе* из цивилизации. Сексуальность, так сказать, первична; система запретов и ограничений, налагаемых цивилизацией, вторична; а эротика в этом порядке третична, это уже не *нагое* и не *прикрытое*, а *раздетое*. Эротика отпускает

вожжи, натянутые цивилизацией, но не для того, чтобы отпустить человека обратно в природу, а чтобы повести его дальше, в область любовно-телесного творчества. Эротика есть метасексуальное сознание и воображение, которое уводит от тела, чтобы возвращаться к нему в остранинной, но тем более заостренной форме. Всякое прикрытие дразнит, как отсроченное наслаждение, как некая прибавочная стоимость в экономии желания. **Эрос, как продукт цивилизации, несравненно могущественнее полового инстинкта.** Цивилизация есть *самовозрастающий эрос*, механизм его расширенного воспроизводства через преодоление. Традиции и табу — тот могучий пресс, под давлением которого натуральный сок здорового инстинкта превращается в хмельное вино, которое кружит головы поэтам и завоевателям.

Если сексуальность нуждается в разрядке желаний, то эротика — в самом желании, которое уже несводимо к физическому акту удовлетворения. Различие сексуального и эротического выражается в обыденном языке как разница глаголов «хотеть» и «желать». Сексуальность — это «хочу», эротика — «желаю».

Вот какие примеры на использование этих двух слов приводятся в «Словаре сочетаемости слов русского языка»:

«*Хотеть чего*: хлеба, молока, сыра/сыру, помидоров, конфет, пряников...

«*Желать чего*: счастья, здоровья, успехов... денег, славы, власти...»⁵.

Хотение обращено к конкретным предметам, желание — к таким, которых никогда не будет достаточно. Счастье, бессмертие, богатство — все это такие состояния, которые или вообще недостижимы, или достижимы настолько, что ими нельзя пресытиться, удовлетвориться, поскольку они содержат в себе источник все новых желаний.

Когда слово «желание» употребляется без определений и уточнений, оно обозначает именно половое желание («им овладело желание»), и в этом самом общем и нормативном значении особенно ясно видно, чем оно отличается от хотения (нужды, потребности). Половой инстинкт у животного не становится желанием. Человеческое желание порождает множество иллюзий, фантазий, отсрочек, символических замен, выражающих его неутолимость. Хотение, удовлетворяясь, остается тем же самым хотением, тогда как желание, удовлетворяясь, ищет новый предмет желания и/или новые способы его удовлетворения. Хотение консервативно, желание революционно. Хотение — это жажда, которая ищет утоления. Желание, напротив, ищет утоления, чтобы еще больше жаждать.

Хитрость желания. Эрос-ирония

Обычно в сексологии вычерчивается четырехфазовая схема коитуса, предложенная Уильямом Мастерсом и Вирджинией Джонсон:

возбуждение, плато, оргазм, разрядка⁶. Плато, на которое приходится основное время коитуса, между началом эрекции и началом оргазма, — единственная из фаз, изображаемая горизонтальной чертой (первая и третья — подъем, четвертая — спуск). Но в реальности это плато колеблется, состоит из множества подъемов и спусков, это волнистая линия, синусоида, порой острая, как зигзаг; холмистая местность, а не плоская равнина. Наслаждение убывает, если оно не обновляется, как усыпляет даже большая скорость в дороге, если она не прерывается толчками, остановками, замедлениями, ускорениями.

Хитрость желания — не те уловки, какими желание достигает своей цели и пастушок заманивает пастушку в уединенный грот, чтобы в тиши послушать пение ручья. Здесь подразумеваются, напротив, такие уловки, с помощью которых желание ускользает от своей природной цели, дабы искусно себя взбодрить и, как можно полнее изливаясь в наслаждении, как можно дольше не иссякать. Желание все время ходит по краю наслаждения, пытается достичь этого края и в то же время не перелиться через него, не истощить себя преждевременно⁷.

Желание часто представляется прямодушным, открытым, ищущим скорейшего утolenия. На самом деле у желания, как правило, есть свои лазейки, оговорки, пути отступления. Тайна желания в том, что оно хочет и не хочет своего утolenия, оно хочет утolenия с оттяжкой, чтобы сохранять себя в качестве желания. К такому «желанию с лазейкой» применимы идеи М.М. Бахтина о речевом поведении Ф.М. Достоевского и его героев:

«Что же такое лазейка сознания и слова? Лазейка — это оставление за собой возможности изменить последний, окончательный смысл своего слова. Если слово оставляет такую лазейку, то это неизбежно должно отразиться на его структуре. Этот возможный иной смысл, то есть оставленная лазейка, как тень, сопровождает слово. По своему смыслу слово с лазейкой должно быть последним словом и выдает себя за таковое, но на самом деле оно является лишь предпоследним словом и ставит после себя лишь условную, не окончательную точку»⁸.

Вот так и желание выдает себя за «последнее слово», за порыв к «полному и окончательному» наслаждению, а между тем оставляет за собой пути к отступлению, чтобы избежать опустошительной разрядки. Желание максимально выявляет свою интенцию, когда оказывается *предпоследним*, т.е. ставит себя на самой грани усиления-неутolenия, «ставит после себя лишь условную, не окончательную точку», сохраняет резерв для нового порыва, который опять-таки оказывается предпоследним. Желание обвивается вокруг себя, оно фигурно, витиевато, оно кружит и кружит, чтобы избежать последнего выплеска.

Как уже говорилось, *желание* отличается от *хотения* тем, что обращено на невоплотимое, уходящее в бесконечность: славу, любовь, бессмертие, вечность, покой — в отличие от достижимых предметов хотения: еды, питья, собственности. К этому можно прибавить, что желание не только стремится к недостижимому, но и от себя приносит недостижимость в свои цели. Этими оговорками желания и образуется область эроса, в его отличии от сексуальности. Удовлетворение достигается оргазмом, но желание превращает близость в череду ускользаний, в длительную игру, которая торопит оргазм — и вместе с тем силится его отдалить, как награду и кару. Точно также утоление голода и жажды «хитро» откладывается этикетом застолья, ходом беседы, затейливостью кушаний и сервировки, ожиданием гостей и очередных блюд.

Чем больше времени и усилий тратится на многосложный ритуал ухаживания, тем сильнее радость сближения, но и внутри самой близости действует все тот же инстинктивный ритуал острашения, отсрочки, временного лишения, направленный на еще более интенсивное переживание близости, на предотвращение того, что этолог и философ Конрад Лоренц называл «энтропией чувства»⁹.

«Желание с лазейкой», как и слово с оговоркой, — это желание, которое направлено одновременно и на предмет и на самого себя: оно *себя знает и себя желает*, оно саморефлексивно подпитывает себя отдалением предмета, изъятием его из себя, разглядыванием, отбрасыванием, новым поспешанием и новой задержкой. Это, перефразируя Бахтина, «бесконечность *саможелания с оглядкой*»¹⁰.

Желание питает наслаждение и вместе с тем недокармливает, чтобы держать в узде, не дать наслаждению понести и опрокинуть себя в бездну оргазма, желанного и убийственного для обоих. Желание себя бережет, ему себя жалко. Хитрость желания — не только в том, чтобы обходить преграды, но и в том, чтобы расставлять их перед собой. Такое желание создает *соблазн*, т.е. усиливает себя *противожеланием*, противодействием себе. Соблазн — это победа желания под маской его поражения и самоотказа. Для хотения отказ только мучителен, для желания — сладостен. Желание *культурно*, оно себя воздвигает, лелеет, и вся человеческая цивилизация происходит, возможно, от этой исходной *культурности желания*, которое ставит себе преграды, чтобы их преодолевать и расти вместе с ними.

Хитрость — неизбежная спутница торговли в сложной экономике либидо. Это торговля между желанием и наслаждением: каждое стремится побольше взять и поменьше отдать. Повышение ставок и возрастание риска образует сюжет этой захватывающей игры. Если она завершается соитием, то метафорический ряд инвестиций, их отдачи и роста уместно соотнести с образом мужских *вложений* и

женского *влагалища*. На выпад следует ответ, встречное движение. Многократным взаимным усилением толчков и отпоров производится «максимальное вложение по данной позиции», после чего меняется позиция, точка упора и стратегия наступления — новая серия толчков, достигающая очередного максимума¹¹. Боевая вылазка, полный вперед! — но с лазейкой обратно. Встать во весь рост — значит тут же пасть смертью храбрых на поле боя, выбросив фонтан горячей крови. Хитрость желания ищет обходных путей, делает шаг вперед, отскакивает назад, мелко трепещет, ускользает и снова набрасывается. Такова стратегия и военных действий, и финансовых ставок, биржевых закупок-продаж. Продать в одном месте и закупить в другом, мелкими махинациями, игрой акций наращивая капитал.

Удача и дар соития — это не просто наслаждение, но степень его ощутимости, сила рывков, длительность ускорений и торможений, смена скоростей. Обычная, утилитарная цель поездки: доехать как можно быстрее, истратив как можно меньше горючего. Эротическая цель — доехать как можно медленнее, окольными путями, используя как можно чаще и газ, и тормоз; сделать предельно ощутимым, восхитительно-опасным само прохождение пути. У либидо — затратная экономика, которая и не должна быть экономной. Это не просто наслаждение скоростью, но наслаждение второго порядка, которое острояет первое, заостряет его через прерывание и возобновление, замедление и ускорение. Это искусство прибавлять потенциальную энергию желания к кинетической энергии наслаждения, а не вычитать одну из другой.

Подавление желания есть способ его усиления — не только сублимации («возвышения»), когда оно претворяется в произведения культуры, в поэмы и романы, в машины и симфонии, — но и взрывообразного роста самого желания. **Сама цивилизация есть продукт иронии, заложенной в основании либидо**, где знаки репрессии ментально превращаются в знаки дополнительного наслаждения и экстаза. Желанная женщина надевает бюстгалтер, платье, туфли — и делается еще более желанной, причем сами эти покровы, усложняя путь сексуальному влечению, безгранично расширяют область эротических влечений, так что эротизируется — «эронизируется» — всё, вплоть до книги, которую читает желанное существо, или города, в котором оно живет. Передник, накидка, занавеска, закрытая или полуприкрытая дверь в комнату, принадлежность другому сословию или чуждой системе убеждений, каждое слово и интонация, даже гримаса, неловкость, некрасота — все это пронизано *эронией*, иронией возбуждающего намека, оттесненного секса и побеждающего эроса.

Эрония — это ирония самого эроса, в его отличии от «наивной», простодушно-природной сексуальности. Желание есть некая кривая,

по которой природа посылает импульс размножения самой себе, — а человек по этой кривой убегает из природы. **Цивилизацию можно рассматривать как грандиозную игру либидо с самим собой, систему его возрастания через самоподавление.** Вопреки ходячему фрейдистскому представлению, цивилизация — это не тюремные оковы, от которых желание хочет поскорее освободиться, а напротив, это золотые цепи, которыми желание украшает себя.

По отношению к отдельным личностям цивилизация может действовать как репрессивная сила, но в целом человечество само выращивает в себе неутолимость желания посредством отсрочек и запретов. Поэтому вряд ли можно принять обязательную для классического фрейдизма связь между цивилизацией и неврозом и определение человека как невротического животного. Самоподавление желания — признак его здоровья, его владения собой. Только слабая эректильная функция (так называемый *ejaculatio praecox*) требует скорейшей разрядки, потому что не может выдержать долгого напряжения. Способность к многогранному и многоступенчатому наслаждению включает в себя и искусство воздержания, т.е. само-разделение либидо на две силы, играющие между собой, торопящие и замедляющие процесс разрядки.

Диалогичность желания

Особенность эротики, по сравнению с сексуальностью, состоит в ее направленности *не на тела, а на чужие желания*. Как сказал поэт Роберт Фрост, «любовь — это неодолимое желание быть неодолимо желанным». Александр Кожев, французский мыслитель русского происхождения, отмечал рефлексивность, «вторичность», внутренне присущую не только мысли и слову, но и человеческому желанию, которое всегда направлено на чужое желание:

«Антропогенное Желание отлично от животного Желания... тем, что оно направлено не на реальный, “положительный”, данный объект, а на некоторое другое Желание. Так, например, в отношениях между мужчиной и женщиной Желание человечно только тогда, когда один желает не тело, а Желание другого, когда он хочет “завладеть” Желанием, взятым как Желание... Точно так же Желание, направленное на природный объект, человечно только в той мере, в какой оно “опосредовано” Желанием другого, направленным на тот же объект: человечно желать то, что желают другие, — желать потому, что они этого желают. [...] Человек “питается” желаниями, как животное питается реальными вещами»¹².

То, что эротическое желание (в отличие от сексуального хотения) направлено не на объект (тело), а на другое желание, обнаруживает его *диалогическую природу*. Эротика — это непрерывный диалог

моего желания с другими желаниями — диалог, в котором собственно сексуальная сторона, тело, его зоны и органы выступают не как последняя реальность «утоления и разрядки», а как средства коммуникации. Ролан Барт вспоминает в этой связи гётевского Вертера, чей палец невзначай дотрагивается до пальца Шарлотты, а их ноги соприкасаются под столом. Вертер «мог бы телесно сосредоточиться на крошечных зонах касания и наслаждаться вот этим безучастным кусочком пальца или ноги на манер фетишиста, *не заботясь об ответе...* Но в том-то и дело, что Вертер не перверсивен, он влюблен: он создает смысл — всегда, повсюду, из ничего, — и именно смысл заставляет его вздрагивать; он находится на пылающем костре смысла. Для влюбленного любое прикосновение ставит вопрос об ответе; от кожи требуется ответить»¹³.

Желание тем и отличается от похоти (полового хотения), что оно не может быть удовлетворено лишь телесно — оно нуждается в воле другого человека, оно взаимодействует с его желаниями или нежеланиями. **Я желаю чужого желания, которое желает меня.** Как всякая речь есть ответ и обращение к чужой речи, так желание говорит не с объектами, а с чужими желаниями. Я желаю эту руку, это бедро, это тело, потому что оно может желать меня, желающего его, желающего меня, желающего его...

В этом *этика эроса*, которая, по сути, исключает насилие. Насилие эротично лишь в той мере, в какой оно пробуждает желание, а не действует наперекор ему. Ведь я хочу обладать не тобой, а твоим желанием меня. Я хочу, чтобы ты меня хотела. Это *золотое правило* эротики, которое вполне соответствует золотому правилу в этике разных народов, от Греции до Иудеи и Китая, — «не делать другим того, чего себе не хотите» (Деян. 15:29). Золотое правило эротики — не столько общность нежеланий, сколько встречаемость желаний.

Как всякая речь есть ответ и обращение к чужой речи, так и желание говорит с чужими желаниями. В этом плане эротология сближается с *лингвистикой*. Здесь стоит вспомнить бахтинскую теорию слова, которое имеет двоякую направленность — и на обозначаемый предмет, и на другое слово (в случае с Вертером его желание относится одновременно к пальцу Шарлотты и к ее способности отвечать на его прикосновение, желать Вертера). В области эроса нам еще только предстоит освоить то, что Бахтин называл «металингвистикой», — анализ не предметных значений слов и не логического смысла предложений, а диалогического смысла высказываний, всегда обращенных к другим высказываниям — спрашивающим, отвечающим, дополняющим, возражающим. Желания, как и высказывания, «не равнодушны друг к другу... они знают друг о друге и взаимно отражают друг друга. Эти взаимные отражения определяют их характер. Каждое

высказывание полно отзвуков и отголосков других высказываний... Каждое высказывание прежде всего нужно рассматривать как ответ на предшествующие высказывания данной сферы... оно их опровергает, подтверждает, дополняет, опирается на них, предполагает их известными, как-то считается с ними»¹⁵.

Если в этом тексте заменить «высказывание» на «желание», перед нами возникнет вполне убедительный набросок *диалогической эротиологии*.

«Каждое желание полно отзвуков и отголосков других желаний...». Мое желание Н. полно отзвуков всех желаний, предметом которых была она, и всех ее собственных желаний, даже если их предметом были платья, идеи, города, пейзажи, архитектурные ансамбли, религиозные обряды... Легче всего это обнаруживается в структуре ревности, поскольку она прямо имеет дело с чужими желаниями, противопоставляя им свои, тогда как в любви это отношение «своего» и «чужого» более опосредованно: я люблю в Н. и то, что отдаляет ее от меня, делает чужой.

К желаниям приложимы и некоторые речевые категории: желание-утверждение, желание-возражение, желание-увещевание, желание-вопрос, желание-восклицание... На такой лингвистической основе можно построить типологию желаний, провести границу между прямыми и косвенными желаниями, между монологическими и диалогическими любовными отношениями и т.д. Как безграничны сцепления высказываний и способы их сочетания, так безграничны и ряды желаний, которыми обмениваются любящие, а также любимые ими, ревнующие их, все те, кто когда-либо их любил или будет любим ими, а также любящие тех, кто их любил или любим ими... «Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и безграничное будущее)».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сексология. Энциклопедический справочник. 3-е изд. – Минск, 1995. – С. 271.

² См.: The Complete Dictionary of Sexology. New Expanded Edition / ed. R.T. Francoeur. – N. Y.: Continuum, 1995. – P. 588. При этом сексология разделяется на «генетическую, морфологическую, гормональную... нейрохимическую, фармакологическую... концептивно-контрацептивную... эмбриональную, детскую... гериатрическую...», всего двадцать разделов, из которых лишь один – «социокультурная» сексология (см. там же).

³ Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с франц. С. Табачниковой. – М.: Магистериум Касталь, 1996. – С. 168, 169.

⁴ «"Эротизм" в особенности относится к приятным чувственным стимулам и реакциям, связанным с сексуальным возбуждением, в отличие от

сексуального поведения в актах сношения и размножения» (The Complete Dictionary of Sexology. – P. 191). «Эротика – сложное и хрупкое состояние личности, замешанное на эмоциях, страсти, фантазии, воображении, сексуальности, где наигранное и естественное сплетены в один причудливый узел» (Сексология. – С. 341 – 342). Жорж Батай сопоставляет эотику с трудом и религией, двумя видами деятельности, выводящими человека из царства природы. «Эротизм отличается от животной сексуальной импульсивности тем, что он в принципе, так же, как и труд, есть сознательное преследование цели; эротизм есть сознательное искание сладострастия» (Батай. Ж. Слезы Эроса // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: МИФРИЛ, 1994. – С. 282).

⁵ Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Денисова, В. Морковкина. – М.: Русский язык, 1983. – С. 155, 647.

⁶ *Masters W., Johnson V. Human Sexual Response.* – Boston: Little, Brown and Company, 1966. – P. 5.

⁷ В рассказе Джека Лондона «Когда боги смеются» супружеская чета, задумав навсегда продлить свою страсть, решает полностью воздерживаться от ее утоления. «Любовь – это желание, это сладостная боль, которая жаждет утоления и, найдя его, умирает. Так говорили они. Любовь жаждущая продолжает жить вечно... Насыщаться и испытывать одновременно чувство голода – этого человеку никогда не удавалось достичь. Угроза пресыщения! Да! Вот в чем вся суть. Насыщаться, сидя за уставленным яствами столом, и удерживать голод на самой острой его грани – вот такая задача стояла перед ними, ибо они любили Любовь». С этой задачей они не справились: желание, копившееся и нараставшее в течение многих лет, не вынесло своего напряжения и однажды просто исчезло.

⁸ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1977. – С. 271.

⁹ По Лоренцу, быстрое, незатруднительное утоление желаний, которое, как условие комфорта, поощряется современной цивилизацией, приводит к вырождению чувств, их «тепловой смерти» (см.: Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного общества // Лоренц К. Обратная сторона зеркала / пер. с нем. А.И. Федорова, Г.Ф. Швейника. – М.: Республика, 1998. – С. 20 – 26).

¹⁰ У Бахтина – «бесконечность самосознания с оглядкой» (см.: Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – С. 272).

¹¹ Китайский врач XVII века Ли Тун Сюань писал: «Глубокие и поверхностные, медленные и быстрые, прямые и наклонные толчки вовсе не являются одинаковыми, каждый имеет свой особый эффект и качество. Медленный толчок должен напоминать судорожное вздрагивание карпа, играющего с крючком, а быстрый толчок – полет птицы против ветра. Введение и вынимание, движение вверх и вниз, влево или вправо, с равномерными интервалами или подряд – все это нужно координировать. Каждый способ нужно использовать в наиболее подходящее время, не придерживаясь упрямо одного-единственного стиля по причине собственной лени или удобства».

¹² Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Вместо введения / пер. с франц. Г. Галкиной // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 13. – С. 61, 62.

¹³ Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. – М., 2002. – С. 297.

¹⁴ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 271.

¹⁵ Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 373.

Аннотация

В статье обосновывается необходимость эротологии, которая, в отличие от медицински ориентированной сексологии, представляет собой гуманитарную дисциплину и рассматривает любовь и ревность, желание и наслаждение, соблазн и запрет как формы человеческого бытия и межличностных отношений. Вводятся основные понятия эротологии, связанные с диалогичностью, невоплотимостью и незавершимостью желания, в этом отношении сходного с речевым общением. Рассматривается соотношение либидо и иронии, желания и хитрости, эроса и остранения, эротического и художественного.

Ключевые слова:

эрос, эротология, эротема, любовь, секс, смерть, желание, соблазн, запрет, диалог, остранение

Summary

In distinction from medically oriented sexology, erotology is a humanistic discipline which explores love and desire, pleasure and jealousy, seduction and taboo as forms of human existence and interpersonal relations. The article introduces the foundational concepts of erotology derived from the dialogic nature of desire that draws it close to speech acts and cannot be fully embodied and finalized. The article discusses the relationship between libido and irony, desire and cunning, eros and estrangement (*ostranenie*), and the erotic and the artistic.

Keywords:

eros, erotology, eroteme, love, sex, death, desire, seduction, taboo, dialogue, estrangement.

Ваши отклики Вы можете направить по адресу russmne@emory.edu, а также — academyRH@list.ru